Глава Четвертая. Природа волшебства.

Башня, которую местный люд называл «страшилицей» стояла окруженная болотом и лесом. И не было ни дороги, ни тропы, что вели бы к той башне. Рычащими назывались окружившие ее топи, потому что частенько из них доносились жуткие звучания, то завывания, то чавканья, то рычания, будто бы разозленного хищного зверя. Ходили слухи, что болота населены чудищами, но мало кто решался посещать их, а кто посетил - более не желали ходить туда снова. Еще меньше людей рисковали заходить в сердце топей, приближаться к башне и бродить по ее окрестностям, и уж из этих смельчаков не вернулся никто.

На окраине леса, окружавшего болото, стояла деревня, ближайшая к башне. На кануне вечером в деревню прибыли два всадника. Переночевали, взяли припасов и вышли к лесу. Утро было душным и унылым, ветер гонял теплый воздух по округе, но солнце не припекало, его лучи были скрыты тяжелыми темными тучами затянувшими небеса. Остахан остановился перед чащей, Лейд был рядом и вел лошадей под уздцы. Друзья спорили:

-…твои слова разумны и как всегда убедительны – объяснял Остахан – но согласиться с ними я не могу. Я очень благодарен, что ты указал путь и проводил меня до этой деревушки, но дальше сопровождать меня тебе не следует. Не трать красноречия попусту, возвращайся в замок.

-И все же вдвоем будет безопаснее.

-Возможно, но нет необходимости рисковать твоей жизнью. Я справлюсь, знаю способы… Ну хватит, это не тот случай когда стоит спорить. В этой ситуации ты многого не знаешь и не понимаешь, лучше просто согласись со мной.

-Вот именно, как я могу согласиться, если не знаю. Может объяснишь?

-Нет смысла. Друг, просто доверься мне.

-Я доверяю тебе, но не доверяю твоей самоуверенности. Ты идешь на смерть. Неизвестно же, что за жуть там обитает.

-Будь честен с собой друг, в это приключение тебя влечет любопытство, но оно того не стоит. Думаю, правда проще, чем ты себе выдумываешь.

-Вот об этой самоуверенности я и говорю.

-Вовсе я не самоуверен, мне известно, чего стоит ожидать, а тебе нет. И это причина нашего спора. Обещаю, что буду очень осторожен. Иначе погибну. Я прекрасно это осознаю…

Остахан вдруг задумался, стал гладить бороду, в то время как Лейд заново перечислял все свои аргументы. Но Остахан его не слушал. Щелкнула застежка книги, открылась нужная страница. Он вынул из сумки заготовку для оберега и приложил ее к пентаграмме. Прочел короткое заклинание и протянул оберег Лейду.

-Если действительно хочешь помочь, возвращайся в замок и передай это… Через пару дней вас посетит волшебник, он мой давний друг, передашь оберег ему. Он знает, что с ним делать.

Лейд был в легком недоумении.

-Эм… Хорошо. Но чем это поможет?

-Он будет знать где я нахожусь и придет на помощь, если возникнет необходимость.

Эти слова были ложью, простенький оберег против всего что несет опасность, по сути бесполезный, но очень любимый простым людом, обладал интересным свойством, он терял всю волшебную силу, если его владелец погибал. Этот оберег Остахан сделал для самого себя.

-Не волнуйся – успокаивал он друга – я рассказывал ему, что собираюсь исследовать, он сразу все поймет.

-Как… ког… ах ладно. Так ведь тебе прямо сейчас может понадобится помощь, а амулет я передам только через пару дней.

-Продержусь. Правда проще, чем ты выдумываешь – а про себя Остахан подумал – «Или сложнее, чем думается мне. Такое тоже возможно».

Лейд хмурился, всем своим видом показывая, что убедить его не удалось, но все же дал согласие.

-Хорошо друг, я доверюсь тебе. А как зовут того волшебника, как мне к нему обратиться?

-Маркус Лейбнготвиль, поверь, его ты не с кем не спутаешь. Оу! Не говори барону, что стоит готовится к приходу волшебника, он не обрадуется. Не говори пожалуйста.

-Хорошо, не скажу. А зачем он нас посещает?

-Уверен, что хочешь знать? Это тоже придется хранить в секрете от барона.

-Эх… Лучше не рассказывай. Чем меньше знаешь тайн, тем легче совесть.

-Спасибо Лейд.

Друзья обнялись и распрощались. Лейд ускакал в замок, домой. Остахан провожал его взглядом. Над горизонтом вспыхнула корявая ветвь молнии, через мгновение раздался гром. Путник обернулся к лесу, вздохнул и отправился в чащу.

***

Протискиваясь через дебри, кусты, раздвигая низкие ветки, Остахан пробирался через лес. Волшебный светлячок летал рядом освещал путь в сумраке дремучего леса. Над головой громыхала гроза. Дождь не начинался, терпел, ждал своего часа. Мелкие зверьки и птички сновали всюду вокруг привлеченные светом. Хищники не приближались и обходили путника стороной отпугиваемые одним из оберегов, тоже касалось насекомых.

Послышалось хлюпанье под ногами, твердая земля сменялась топким торфяником. Запахло сыростью и сладкой гнилью. Он остановился, щелкнула застежка книги, прошелестели страницы, «Обий-хал-лаб Ий-элаль-далм маль-эс Гнальб-кальх» – прозвучало заклинание, шаг стал мягким и больше не звучало хлюпанье.

«Вот я и вошел в болото» – размышлял он – «Помню, на болоте, которое я посетил в прошлый раз, меня ранила и едва не убила кикимора. Тогда я был всего лишь напуганным юношей, а сейчас… все же постараюсь не встречаться с кикиморами. Главное, что все обереги при мне, они это чудище отпугнут».

По ощущениям был уже вечер, но на самом деле едва-едва миновал полдень. По небу не

понять. Гром все гремит. Листья зашелестели под ударами первых дождевых капель. Путник вынул из сумки зеленый плащ, короткий, но широкий, формой повторяющий лист гортензии, с золотистым узором лиственных прожилок и такой же росписью по краям. Дождь грянул, из малого мгновенно превратился в большой, стал ливнем. Но вода не касалась укрытого плащом путника, словно ветер уводил ее, капли клонились в сторону, падая мимо, уходя в землю.

Кругом деревья и кустарники, камыши на болотных заводях и наросты мха на трясине. Неба почти не видать, а искомая башня скрыта за древесными кронами. Казалось бы, что верного пути не отыскать, а заблудиться проще простого. Но стоит путнику остановиться на мгновенье, погрузиться в свои мысли, и вольный дух воспарит над лесом и найдет нужное направление.

Путник мягко шел по торфу, стараясь избегать трясины и заводи, а если другого пути не было ступал и на них, но в трясину не проваливался и даже в воду не окунался. Не смотря на легкую поступь, он не ленился прощупывать землю прежде чем заходить на нее. Делал он это с помощью посоха, и им же разгребал заросли травы или убирал с пути ветви кустарников. Предосторожность оказалась не напрасной. В один миг путник почувствовал в посохе вибрацию, при том посох не успел коснуться ни земли, ни чего бы то ни было еще. Путник остановился, взмахнул посохом, провел черту по воздуху прямо перед собой, появилась рябь, будто посох рассек водную гладь. Остахан достал трезокулос, глянул сквозь стекла, ухмыльнулся, убрал его и взял книгу, щелкнула застежка, явилась нужная страница. Пальцы скользят по руническим лентам выбирая верные знаки, «Эо-си-энай-оброй-ал-льси» - прочитано заклинание, пальцы коснулись закрытых век, путник открывает глаза, зрачки вспыхивают золотом. Мир приобретает новые краски, материя полнится ранее невидимыми эманациями и потоками энергий. Руны на лентах, выбранные для чар, светятся золотом, как и узоры на плаще, и узоры на сапогах. Книга, посох и обереги под рубахой обрамлены цветными ореолами. Путник отчетливо видит перед собой преграду и различает ее структуру. На поверхности лишь малая часть заклинания, а его корень скрыт под землей, не очень глубоко.

«Это барьер и ловушка» - размышлял Остахан разглядывая форму чар – «Он не преграждает путь для тех, кто входит. Он призван не выпускать то, что скрыто за ним. А то, что пытается вырваться, он поглощает» – он присел на корточки, вгляделся в земную твердь – «Ни человеку, ни зверю барьер не страшен, он их не замечает, но замечает… клеймо? Он не выпускает кого-то или что-то определенное. По крайней мере структура чар создает такое впечатление. Не вредит людям? Может обман, минуешь барьер и чары изменят форму? Мне уже встречались такие хитрости. В конце концов из сердца болот никто не возвращался. Но то были простые люди… А чем собственно я отличаюсь от простых людей?»

Остахан провел по барьеру посохом еще пару раз, коснулся трясины, ничего не произошло. Силой мысли отправил волшебного светлячка летать вдоль и поперек преграды, реакции не было. Путник отыскал неподалеку гнилую ветку, прочел на ней простенький заговор мнимой жизни и бросил на барьер - ничего не случилось, и даже трясина не спешила ее поглощать. Вернул ветку силой мысли, прочел заговор посложнее, воспользовался рунными лентами, наполнил ветку волшебной силой, бросил обратно - от ветки по воздуху и торфу пошла рябь, словно та попала в воду, но ничего более не случалось. Он снова вернул ветку, присмотрелся к форме чар, он не мог скопировать клейма, но с помощью «чародейского инструмента» воссоздал схожий волшебный отпечаток. В этот раз стоило ветке коснуться барьера, ее прижало к земле, торф обратился трясиной и поглотил ее.

Теперь путник знал, чего ожидать. Заклинанием он приманил мелкого зверька, явилась выдра. Он вынул из сумки веревку, привязал один ее конец к посоху, а другим связал выдру и отправил ходить сквозь преграду. Выдра миновала барьер по три раза, туда и обратно, но ловушка не реагировала. Тогда Остахан вонзил посох в землю, опоры надежнее этого посоха не

найти, вместо выдры привязался сам и тоже прошел через барьер, сперва осторожно, а затем смелее и смелее миновал его по три раза. Путь был открыт, преграды для него не существовало, чары форму не меняли.

«Могу идти дальше. А может не стоит? Ведь этот барьер что-то сдерживает. Обереги при мне, в крайнем случае сбежать сумею. Рискну, без риска жизнь теряет краски. Но на всякий случай добавлю защиту»

Остахан по памяти воссоздал чары и невидимый доспех покрыл его тело. Чар ясновидения он не рассеивал, и глаза по-прежнему светились золотом. Он продолжил путь.

Стемнело рано. Мрак. Ливень. Ветви. Кусты. Топь. Вспышка! Тени рисуют корявые очертания невиданного и пугающего. Шелест, всплеск, а в голове сумятица. Одиночество среди мрака, одиночество среди бури, вдали от людей, вдали от помощи. Если что-то случится, никто не поможет. Если случится худшее никто не узнает…

Остахан все шел. Не смотря на ненастье и темноту он ощущал себя вполне сносно, немного побаивался. Но кто не боится? До башни оставалось уже не далеко. Он внимательно глядел по сторонам, оборачиваясь на каждый шорох, обращая внимание на каждый всплеск воды, рассматривая и изучая все кругом. И для себя заметил, что даже в слякоти и гадости можно обнаружить нечто притягательное и завораживающее. Особенно явственно это проявлялось в видении мистических сущностей, дикого волшебства первозданного и неукротимого, духа или духов этого болотистого леса, уникального по своей волшебной природе.

Вспышка молнии осветила округу. Совершенно случайно взгляд зацепился за что-то… Нечто странное было замечено Остаханом, и тут же скрыто от него во мраке. Он не успел рассмотреть что это было. Остановился и присмотрелся получше. Очередная вспышка осветила впереди нечто. Оно замерло, стояло неподвижно, но было уже ближе, чем в прошлый раз. Четыре глаза на кошачьей морде смотрели прямо на путника. Зверь размером с медведя был лысым, бледнокожим, тощим, на суставах костяные нарасти, бугристые мышцы напряжены, когтистая лапа замерла на половине движения. Мрак. Холод по коже, дыхание сперло. Вспышка, зверь еще ближе. Опять замер, движется только в темноте, не издает звуков. Мрак. Ноги немеют. Остахан заорал, чтобы избавиться от напряжение, вернуть подвижность это помогло. Вспышка, на это раз зверь не замер, он движется и уже близко. Короткая фраза – «Ой-гальб энг!» – практически выкрик, на сапогах вспыхнули золотые руны, путник помчался прочь словно ветер, петляя меж деревьями, паря над заводями, волшебные сапоги несут хозяина быстрее любой лошади. Остахан не оборачивается, зверь не издает ни звука, неизвестно где он, но чувство будто он все еще позади, все ближе и ближе. Впереди из воды вырастает двухметровая фигура покрытая тиной, мхом и водорослями, мерзкие неуклюжие щупала тянутся к Остахану. Кикимора! Взмах посохом, «Каль-эс!», гнилое дерево разлетается в щепки. Не кикимора, просто показалось. Побег продолжается. Остахан минует болотный барьер и через мгновение до его ушей доносятся свистящие завывания и утробный рык. Шестое чувство подсказало, что опасность миновала, но он пробежал вперед еще десяток широких шагов прежде остановиться и обернуться. Зверь, едва не настигший путника, плескался и тонул в вязкой трясине, которая рыча и завывая беспощадно поглощала его. Чудовище же по-прежнему не издавало звуков, пыталось дотянуться длинными лапами до твердой почвы и продолжало смотреть двумя парами глаз, на добычу добраться до которой уже не удастся. В голове у Остахана даже промелькнула мысль - «Уж не иллюзия ли этот зверь, совершенно беззвучный? Но трясина не могла поглотить мираж, это бессмысленно… Только если оно не из тех наваждений что воплощает в реальность воображаемые ужасы».

Зверь скрылся в трясине, болото поглотило его целиком. Стало вдруг очень тихо, только

монотонный перестук дождя звучал на болоте. Остахан вернулся к барьеру. Вдруг громыхнуло! Молния на мгновение осветила болотную чащу. Сумрак сгустился. Остахан вознес руку держащую посох, светлячок взлетел выше, путник громко произнес: «Мальк-энг-Оваль-рал». Светлячок засиял втрое сильнее, озаряя светом все кругом. По ту сторону барьера сидели замерев словно статуи три четырехглазых зверя, они заворожённо наблюдали за Остаханом.

Путник уселся на завалившееся бревно, достал трубку и закурил. Долго курил, нервно вытряхивал пепел, трясущимися руками чистил трубку, заправлял табаком и закуривал вновь, так три раза. Он все думал: «Нормально-нормально, стоило ожидать чего-то подобного. Почему «мои драгоценные» обереги их не отгоняют? Возможно, существа невосприимчивы… Нет, иначе барьер не был бы для них преградой. С другой стороны, эта ловушка – вполне естественное явление, сила которого возрастает в несколько раз, когда клеймо соприкасается с барьером. Без сомнения, эти звери воссозданы волшебником и, возможно, невосприимчивы к некоторым волшебным воздействиям. Они устроены не так как прочие животные и чудовища, к таким нужен индивидуальный подход. Они определенно клейменые. Сторожевые псы?»

Светлячок стал мерцать и тускнеть, а тени отбрасываемые им напротив увеличивались. Слишком яркий свет приходился не к месту и был не по нраву здешнему волшебству, болотные духи сгущали мрак. Остахан провозгласил «Мюйк-энг-Оваль-рал» - светлячок уменьшился до прежних размеров, тени отступили, свет стал сиять ровно.

«Вольным духом туда не проникнуть» – продолжал рассуждать путник – «Отправлю вестника, если там нелюдимый волшебник, он либо пригласит меня, либо пошлет. А если посланник вернется ни с чем или исчезнет – буду ждать Маркуса… И на всякий случай сообщу Орхону, вдруг он заинтересуется».

Остахан спрятал трубку, взял книгу, выбрал и воссоздал заклинание. Призрачный воробушек возник у него на ладони.

-Лети в башню и скажи, что нежданный гость просит позволения войти в ваши владения, чтобы остановиться на ночлег и переждать бурю. Возвращайся с ответом или без него.

Призрачная птичка вспорхнула, за мгновение возвысившись над кронами деревьев, и ни ветви, ни дождь, ни ветер не были ей помехой.

Ответ пришел скоро, но возвратился не воробушек, а призрачная галка, стройная и величавая, ее оперение светилось рунами и чародейскими узорами в голубом ореоле. Остахан вытянул руку, птица села на нее и гордо вздернув клювик провозгласила:

-Нежданный гость может войти, но пусть не торопится, хозяин не готов вас встречать. С тропы сходить нельзя – смерть.

Фигура галки смазалась, ее вывернуло наизнанку, голова отвернулась, крылья выгнулись, птица теперь сидела спиной к Остахану и клювом к лесу. Она взмахнула крыльями и полетела сквозь чащу обратившись ярким светом. Чудища испугались этого света и убежали, деревья расползлись в стороны, словно их унесли корни, трясина вздыбилась, растаяла, на ее месте была земля, а на земле широкая тропа, вдоль которой проросли цветы. Башня, что скрывалась кронами деревьев, стала видимой и более не казалась чудовищной. Тучи над ней расступились, звездный свет озарил ее. Башня была выложенная из природных камней разных цветов, ее подножие оплетала лоза, на которой распустились прекрасные белые цветы, опрятная и ухоженная поросль. По четырем сторонам башни висели широкие гобелены красного и желтого цветов и вышито на них было сердце лежащее на ладони, не тот знак, что рисуют

влюбленные, а сердце в истинном своем облике.

Остахан вздернул одну бровь – «Впечатляет» – подумал он и тут же хлопнул ладонью по лбу: «И почему я не отправил посланника сразу?». Путник повздыхал негодуя и не торопясь пошел по тропе. Где-то вдалеке прогремела молния, но чувство было такое, будто буря уже закончилась.

***

Путник явился к подножию башни. Входом в нее служила массивная дверь, к которой вела широкая лестница. На вершине лестницы, справа от входной двери стояла чаша наполненная золотистым волшебным огнем, что вселял в душу бодрость и спокойствие. В свете золотистого огня, у входной двери стоял хозяин башни, он возвышался над гостем, что остановился перед первой ступенью.

Хозяином башни был высокий и худощавый мужчина, на вид средних лет, но с седыми и редкими волосами, остриженными коротко. Его подбородок был гладко выбритый, усов не было. На его лице выделяется большой горбатый нос, глаза были маленькие водянистые и выглядели усталыми, белые брови посажены низко, лоб очень широк - признак большого ума. Одет хозяин башни в желтую робу и пурпурный гиматий[1]. Гиматий надевался, судя по всему впопыхах, и прикрывал фартук из дубленной кожи, на видимом краюшке фартуке были заметны засохшие следы жидкостей различных цветов. Вокруг хозяина башни парил, не взмахивая крыльями, призрачный воробушек Остахана.

Рассмотрев путника хозяин башни исказил лицо в недоумении.

-Я же понятно выразился, что проход открыт – волшебник изъяснялся на магриде[2], самом распространенном среди людей языке – И нет никакой опасности… Если конечно не сходить с тропы. Почему ваш хозяин не явился? Скорее поспешите к нему и сообщите, что его уже ожидают.

Недоумение завладело и Остаханом.

-Эм… не совсем понимаю… – так же на магриде ответил он – я пришел один и… у меня нет никакого хозяина.

-Разве? Но кто же тогда воссоздал этого замечательного посланника?

-Я

-Вы?

-Да

-Шутите? Мне не смешно. Вы же бездарный.

-Правда, я не имею волшебного дара. Но мне известны некоторые тайны волшебных искусств, которые я применяю, чтобы воссоздавать волшебные чары и заклинания. Как видите успешно.

-Удивительно. Бездарный… – раздумывая хозяин башни левой рукой почесал правую щеку – И «Оваль-рал» вы воссоздали сами, или все же с помощью зачарованного предмета?

-Сам. И посланника, и свет я воссоздал заклинаниями с помощью моего гримуара – Остахан

приложил руку к книге на ремешке – и рунических формуляров – он продемонстрировал ленты на запястьях – правда это зачарованные предметы, но их предназначение вовсе не в том, чтобы создавать блуждающий свет или фантомных сущностей, оно значительно шире. Предназначение моих инструментов в том, чтобы подсказать волшебной силе в каком направлении двигаться и какие явление совершать. Кроме того, мое естество преобразовано неким образом, объяснения которого, я возможно дам вам чуть позже. Все перечисленное помогает мне направлять волшебную силу, вернее подсказывать ей направление, ведь у волшебства…

-Есть своя воля. Я кажется понимаю, вот почему ваш посланник такой… «самодостаточный» – волшебник болотной башни поднял руку, воробушек сел тому на палец, свободной рукой он обвел вокруг птички и резко вздернул эту руку вверх, воробушек вспыхнул и развалился на фигуры, руны и символы, которые растянулись перед волшебником стройный волшебным узором – Очень! Очень любопытно – воскликнул он, щелкнул пальцами и узор растаял в воздухе – Прошу прощения. Вы бездарный, но лучитесь множеством зачарований. Я принял вас за слугу, волшебника. Но похоже вы сами в некотором роде… нет, как-то не так.

-Владею некоторыми тайнами волшебных искусств – а про себя он подумал: «Ну вот, в очередной раз меня принимают не за того. Обидно».

-Идеальная формулировка! Еще раз извиняюсь. Меня зовут Филипп Шу-Керат, также известен как Атив-Силибатум[3]. Прошу скорее поднимайтесь, у меня столько вопросов.

-Рад знакомству Атив – гость сперва представился – Меня зовут Остахан Майвиндар, прозванный Либриспиром – и скорым шагом взошел на крыльцо.

-Так вы бывали в Айдэме[4] – заметил Шу-Керат, открывая входную дверь и зазывая гостя внутрь.

-В Айдэме я прожил одиннадцать лет…

Остахан вошел в башню, Атив зашел вслед за ним, и прежде чем закрыть дверь, взмахнул рукой, руна над дверным косяком погасла и на улицу пала стена дождя. Гость продолжал говорить:

-Ван Клеарх Куллвин-Тиадукс разрешил мне пребывать там в качестве послушника, заботящегося, сохраняющего и переписывающего знания мудрецов. Так я обучился. Иногда мне даже везло получать наставления самого Клеарха.

-Кар-ка-ка! – смех Шу-Керата был неотличим от карканья – Старый эльф стал мягче за те пол века, что я не бывал в Айдэме. Раньше он делился знаниями только в обмен на знания, и подпускал к своим драгоценным свиткам только под собственным надзором или в крайнем случае надзором помощников.

Шу-Керат вел Остахана по винтовой лестнице наверх.

-Ничто не изменилось. Мне лишь повезло завоевать доверие Вана и стать одним из помощников.

Они вошли в помещение чем-то напоминающее гостиную.

-Люди редко получают доверие Клеарха, и я слышал, что очень немногие были приняты им в послушники. И то они были волшебниками. А сейчас, подумать только, он приютил бездарного!

– Шу-Керат взмахнул рукой, в камине с воем вспыхнуло пламя, он занял кресло напротив камина и пригласил Остахана занять соседнее – Но я не удивлен. Вы интересный образец.

Остахан прежде чем сесть снял плащ и сумку, гримуар оставил при себе. Он спросил куда их повесить, хозяин башни ответил: «куда хочешь», гость повесил все на спинку кресла. Усевшись, он вытянул ноги, поставил их ближе к огню. Сапоги Остахана пускай и не опускались в тину а все же были грязными, хозяин башни заметил это, взмахнул рукой, бросил фразу и грязь на сапогах гостя вспыхнула пламенем, чтобы тут же исчезнуть, тоже произошло и со следами на полу. Шу-Керат продолжал расспрашивать:

-А до Айдема вы что-нибудь знали о волшебстве? И как вы вообще смогли туда попасть?

-О волшебстве я знал относительно много. В юности моим наставником был знахарь. Он был стар и крайне сведущ, многое рассказал мне о волшебстве и волшебниках. Он провел «Иллюстратио» [5] и как выяснилось дара у меня нет, но по стечению обстоятельств я продолжил изучать закономерности волшебной природы доступные неодаренным. После я путешествовал по миру, общался с разными одаренными или просто просвещенными, обменивался знаниями. Еще в начале странствия я услышал об Айдэме, и страстно желал его посетить. На поиски Айдэма ушло почти пятнадцать лет. А отыскал я его с помощью эльфов. Мне посчастливилось познакомиться с Шином Антем-Хитопаном…

-Это король Мориона, если не ошибаюсь.

-Не король, но по сути правитель. Ты знаешь, что связывает Шина и Вана?

-Эльфийский короля и Эльфийского мудреца? Подозреваю, они родичи.

-Верно. Ван отец Шина.

-Кар-ка-ка! Забавно! Но вернемся к вам Либриспир, за что Клеарх дал вам это имя?

-Вам знакомо заклинание «вольного духа»?

-Не припомню. Это связано с астральным телом?

-Да, если придерживаться взглядов Ноталпа, но я сторонник Льетота-Сира и называю это «мысленным образом». Я выведал об этих чарах у своего наставника знахаря, составил волшебный круг и дополнил, немного изменил форму и это позволило воссоздавать чары вольного духа будучи неодаренным. Впоследствии, уже в Айдэме, я улучшил заклинание и овладел им в совершенстве. Но у этого заклинания есть последствие, по крайней мере для бездарного меня. Как выразился Ван Клеарх, мой дух больше не прикован к телу и я могу покидать себя просто вообразив это. Такова воля волшебства.

-Либриспир – понимающе воскликнул Шу-Керат – подходящее прозвище.

-А ваше прозвище Антив-Силибатум - Преображающий жизни, в честь чего? Кажется, я находил упоминание о вас в книге по алхимии.

-Верно, в сущности я алхимик, но прозвище получил за успехи в целительном волшебстве и искусствах управления живыми энергиями. Я преуспел в выращивании и переформировании живых тканей. Сам себя я называю химерологом.

-Ох! Я уже познакомился с вашей работой, по глупости, прежде чем отправлять посланника,

попытался подойти к башне сам, и ваши создания, сторожевые псы, очень напугали меня.

-Физиологически это не псы, в них больше от семейства кошачьих, чтобы сделать их крупнее я добавил нечто от копытных, а для ума в них… а впрочем не важно. Завтра дам вам возможность рассмотреть одного из них поближе. Кстати о собаках, Кубик!

-Иду хозяин – донеслось откуда-то с нижнего этажа. Вскоре перед гостем предстало человекоподобное существо с густым волосяным покровом вокруг лица и темным влажным пяточком носа, как у животного. Существо имело хвост и было одето словно деревенский мужик, но вполне опрятно.

-Чего прикажешь хозяин? – спросило оно хриплым, рычащим голосом.

-Разбуди Фуню, пусть приготовит что-нибудь перекусить на двоих и принесет сюда.

-Как скажешь хозяин – ответило существо и отправилось исполнять поручение.

-Объединил собачьи и человеческие железа и вырастил Кубика – объяснял Шу-Керат – Величина собачьей преданности неоценима. Послушный и покладистый слуга получается, главное правильно выдрессировать. Вернее, успеть выдрессировать пока он еще щенок. Первый образец не удался, очеловеченный взрослый слишком плохо поддается дрессировке, становится наглым и своенравным.

-А Фуня?

-Такая же, но уже мышь. А что? Очень чистоплотное существо, хозяйственное и запасливое. Я только шерсть у нее удалил. Сам понимаешь, волосатость кухарке не по ремеслу.

-Я восхищен, воссоздавать живых и тем более мыслящих существ чрезвычайно сложное искусство достойное дара Всетворца. Это все ваши творения или есть еще?

-Есть, еще как есть! Кубик и Фуня как вы заметили занимаются хозяйством башни, помимо прислуги есть еще Кэт, она… ке-ке она разбавляет одиночество. А если говорить о действительно важной работе, то мне помогают специально выведенный мной вид кобольдов[6], добывающих природные алхимические материалы, и чупакабры[7], так я называю тех существ, с которыми ты встретился на болоте, занимаются тем же, приносят органическое сырье. А самое главное - несколько десятков низших волшебных созданий содержатся в аквариумах и террариумах в моей лаборатории, они создают для меня вещества. Среди них есть фенонил, младший во всех смыслах собрат феникса, сапфирные саламандры, питающиеся только голубым пламенем, призрачные скорпионы, у них особая фантомная клетка, сахарные пауки, яда слаще чем у них не существует, и даже подвид Уфурэ[8], искусственно выведенный мною.

-Даже Уфурэ? Потрясающе! Вы работаете над расширением популяций?

-Нет. Больше существ я не воссоздаю. Не вижу нужды. Пока мне хватает веществ.

-Но вы могли бы столько удивительных существ уберечь от вымирания. Быть может вы трудитесь над восстановлением утраченных видов?

-Работал некоторое время, но забросил. Сейчас меня больше занимает вопрос безграничной регенерации и победы над умерщвлением.

-В смысле вы ищете долголетие? Чем вас не устраивает философский эликсир?

-Известным недостатком – он исцеляет от старость, но не исключает полностью смерть. Мне сто тридцать шесть, я ищу не долголетия, а бессмертия.

-Оу! Ну конечно… – Остахан замялся, наступило неловкое молчание. Гость откинулся в кресле и пристально всмотрелся в пламя.

-Вы уже пользовались эликсиром? – поинтересовался Шу-Керат.

-Нет. Я еще не вникал в алхимию так глубоко и не создавал камня. Меня это не интересует.

-Отчего же? Отказываться от возможности продлить жизнь попросту глупо или же… Ах простите, вы же бездарный, забылся, мне показалось, что я веду беседу с настоящим волшебником.

Это замечание нисколько не задело Остахана, ведь было правдой, а Шу-Керат и вправду забылся. Гость спокойно объяснял:

-Потому я изучал волшебные материи и свойства волшебных энергий. В юности я мечтал стать волшебником и став взрослым начал искал причину, по которой некоторые одарены, а другим волшебство не дано.

-Так причина проста. У одаренных особый склад ума. Серое вещество в голове более развито и работает лучше. Благодаря этому одаренный больше видит и больше может. Это сродни крыльям, которое у некоторых видов птиц хорошо развиты, а у некоторых атрофированы и не дают им возможности летать. К такому выводу я пришел изучая останки волшебных зверей, а вернее одаренных зверей. Они умнее собратьев, что позволяет им владеть волшебной силой.

-Нет, причина одаренности глубже физиологической особенности. А доказательством могу послужить я сам. Ведь будучи неодаренным я все же умею направлять, и эта способность происходит от моей души. В поисках возможности быть волшебником, я пытался изменять тело волшебством и чарами усиливал разум, но это не возымело результата. И лишь зачаровав душу я чего-то добился. Человеческая душа служит проводником. Ведь мир являет собой триединство материального, духовного и волшебного не просто так. И дух волшебника важное звено, чем он крепче, тем могущественнее воля и тем легче преображать материю.

Шу-Керат вынул из-за пазухи блокнот и перо, не пользуясь чернилами записал несколько строк.

-Любопытно. Я исследую этот вопрос – всмотревшись в пламя алхимик тихонько пробормотал – Душа… – он опустил взгляд в блокнот и бормоча, как бы диктуя себе, записал – метод номер тринадцать, душа не тленна… проводник волшебных энергий к материи. Возможно ли удержать душу и использовать как основу для воскрешения?

-Вы все о бессмертии.

-Что может быть важнее?

-Волшебство например… Для меня. От темы различия одаренных и неодаренных я отошел едва ли не сразу, как получил возможность направлять, и окунулся с головой в изучение природы волшебства, в частности многообразия волшебных искусств и закономерностей проявления волшебных энергий. Это захватило меня, стало моей страстью. Вы когда-нибудь

интересовались, почему круг приманивает волшебство, треугольник испускает, квадрат сдерживает, пятигранник отталкивает, шестиугольная звезда воплощает, а семиугольная приводит в равновесие?

-Допустим. Продолжайте.

-Фигуры отражают формы сущностей бытия. И так же они содержат в себе величины этих сущностей и цифры этих величин, об это писал Рога-Фип[9] основоположник нумерологии.

-Рога-Фип, это же тот волшебник, который изрек идею метаморфозы?

-Не совсем, его идеей был метемпсихоз[10], из которого уже произошла идея метаморфозы[11]. Но вернемся к формам. Круг, например - это форма идеала, и волшебные энергии стремясь к идеалу, его наполняют. Треугольник тремя направлениями олицетворяет триединство мира, а в триединстве рождается сила. Квадрат отрицает триединство, его четыре грани запутывают энергии и блокируют их путь. Тоже делает пятигранник, но сильнее, волшебство его избегает. Шестиугольная звезда - это два треугольника, чья связь взрывается могуществом. А в семиугольной присутствует еще одна вершина олицетворяющая Всетворца, что хранит баланс волшебных энергий. У прочих фигур и форм тоже есть свойства, но пока забудем о них, самые главные фигуры я перечислил. И тут появляется вопрос, а почему круг - идеал, треугольник - триединство и так далее? Ответ кроется в нас самих, в нашем восприятии реальностей и волшебных законов…

В дверь гостиной постучались, Остахан прервался, пищащий голосок объявил, что кушанья готовы. Хозяин башни разрешил прислуге войти. Молодая и тоненькая девочка закатила в зал тележку с угощениями. У девочки был маленький вздернутый розовый носик, по три тонких белых усика на щеках и совершенно лысая голова, одета она была в простенькое белое платье. Волшебник силой мысли придвинул небольшой стол из центра зала к камину, развернул к нему свое кресло и кресло гостя, и в тоже время блюда и тарелки, стоявшие на тележке, плавно взлетели в воздух и плавно опустились на столе, заняв свои места. Вместе с блюдами летал графин и две рюмки, которые были наполнены прежде чем успели опуститься. Гость заглянул в рюмку. Хозяин башни заявил:

-Не люблю вино. Предпочитаю разбавленный спирт.

-Чего еще ожидать от алхимика – улыбнувшись ответил гость и рассмотрев жидкость в рюмке добавил – чистый как слеза.

-За волшебные искусства – объявил тост Шу-Керат.

Они выпили и принялись ужинать, продолжая разговор в ходе приема пищи.

-Вы когда-нибудь задумывались – спрашивал Остахан – почему существует так много способов воссоздавать волшебные явления?

-О каких способах вы говорите?

-Обо всех. Заклинания например, могут быть голосовыми и воссоздаваться от звука либо от смысла сказанного, тоже с заклинаниями от мысли, они также передают смысл или воплощают воображаемый образ, или начертанные заклинания, чей эффект меняется в зависимости от опять же смысла написанного, или от стиля или, от материала на котором пишу или того какие чернила используются. А если говорить о чарах, то вспоминаются заговоры, а к ним в довесок чародейские круги или чародейская письменность, что отличается

от начертательных заклинаний, а так же рунопись и символизм - всё это разные способы, которые к слову часто используются в сочетании друг с другом. И конечно же нельзя забывать плетения, обращающие потоки волшебных энергий в формы и узоры, опять же плетением можно начертать волшебный круг, я частенько так делаю.

-Я тоже. Плести узоры мне представляется чрезмерно муторным занятием, а вот чертить фигуры - легко и быстро.

-Особенно если есть заранее подготовленная форма, не зря я держу при себе гримуар.

-Практично, очень практично придумано. Но я вас отвлек. Вы рассуждали о способах воссоздания волшебства, прошу продолжайте.

-Да, далее я хочу выделить алхимию. Крайне обширная область волшебного знания. Одна из причин почему я до сих пор не вникаю в алхимию в том, что боюсь в ней утонуть.

-Алхимия - это будущее волшебства! – графин пролетел от одного края стола к другому, рюмки наполнились.

-Скорее всего так, но наравне с чародейским ремеслом… – знатоки волшебства выпили, Остахан продолжал – Разъяснять возможности алхимии я не буду, вам они известны лучше, чем мне. Перейдем к главному… Первейшим искусством является ритуал. Именно ритуальные поклонения великим Владыкам стихий совершаемые первыми людьми дали им представление о волшебных энергиях, которое позже первые волшебники противопоставляли мифу и культу Владык. Они видели природные символы и давали им смыслы, придумывали руны, составляли слова и фразы, наделяли их значением и формировали понятия, тогда то и появилась волшебная наука. Но почему одни слова приводят в действие волшебную силу, а другие - нет? Почему некоторые символы и руны содержат в себе могущество, а другие - нет? Как я уже говорил, наше восприятие определяет свойства волшебного явления. Почему так? Чтобы понимать это необходимо вернуться к корням, понимать от чего зародилось волшебство и какая философия за ним стоит. Потому волшебников всех времен занимают вопросы познания мира, его сотворения, понимание природы волшебства и понимание Всетворца. Все принципы волшебной природы происходят от начала создания мира, а возможно именно они и послужили причиной всего, ведь не просто так существует волшебная воля, что считается эхом воли Всетворца…

Остахан протянул руку, графин взлетел и оказался у него в руке. Он наполнил свою рюмку и заставил графин улететь на другую сторону стола и там, повинуясь движениям руки Остахана, графин наполнил рюмку Шу-Керата. Волшебник в удивлении вздернул бровь, он улыбался:

-Вам подвластен еще и телекинез. Поразительно!

-Я только учусь. Без воображения физических действий пока не получается.

Шу-Керат поднял рюмку.

-За бездарных волшебников!

Они выпили и хозяин башни попросил:

-Ну же, ну же, продолжайте, любопытно к чему вы пришли в своих исследованиях.

-Пока еще рано говорить, о каких-либо существенных выводах, моя теория только формируется,

и единственное, что действительно можно считать состоявшимся это понятие «Магус» - разум формирует реальность. С этим согласился Ван Клеарх. Это понятие основано на объединении других понятий «Логос» [12] и «Нус» [13]. «Логос» впервые назван волшебником Тилкарегом[14] и обозначает причину или смысл, которые наблюдаемы и объяснимы, противопоставлены мифу и выдумке. Озвучить учения Тилкарега?

-Пожалуй да, освежу в памяти.

-Тилкарег отождествлял «Логос» с огнём как основой всего, считал его «архэ и стойхейоном» [15]. В свете космогонического Логоса мир есть гармоничное целое. Внутри этого всеединства вещи и даже субстанции перетекают друг в друга согласно ритму взаимного перехода и законосообразностью. Космогонический Логос «обращается» к людям, которые, даже «услышав», неспособны его понять, но иногда его понимают волшебники.

-И вы согласны с Тилкарегом, что мир произошел из огня?

-Не совсем, я больше склоняюсь к тому, что мир произошел из воды, как учит Талэз из Милэдиоза[16], а огонь, как и прочие элементы стихий, одна из стадий создания.

-Космогония[17] Талэза без сомнений первая, а ее лучшее положение «всё едино» бессовестно повторяет каждый, постоянно пытаясь выразить его все лучше и лучше. Однако, как я считаю Талэз несколько пренебрег разумным познанием. Он не преодолел низкий уровень физических воззрений своего времени, а перескочил через него. Скудные и беспорядочные наблюдения эмпирического характера, произведенные Талэзом над состоянием и изменениями воды, или, точнее, влаги, менее всего могли дозволить такое обобщение — не говоря уже о том, чтоб навести на него. К этому побудила его интуиция. Все же он жил в трагическую эпоху первых волшебников. Как алхимик испробовавший множество манипуляций с веществами смело заявляю все сущее происходит и состоит из малых сущностей.[18]

-В чем-то я с вами согласен. Но в наблюдениях волшебников, как вы выразились «трагичной эпохи» есть корень истины и даже интуитивно найденный ответ может быть верным, потому что порой наша мысль во всем превосходит наши думы, но не находит или даже не ищет для себе объяснения и выражается как интуиция… Но давайте вернемся к малым сущностям. Я в них верю и потому отсылаю свою идею к такому понятию как «Нус», он же разум и мысль, обобщение всех смысловых, разумных и мыслительных закономерностей, царящих в космосе и в человеке. Впервые о нем упомянул Рогас-Кана[19], который считал, что каждому телу соответствуют определённые «семена», и их видов такое же безграничное множество, как и различных по качеству тел. «Нус» есть движущий принцип мирового порядка, организующий эти «семена», двигающий их и образующий в этом процессе мир. Знаменитый Льетот-Сира[20] назвал эту концепцию «гомеомерией» [21] - материя меньшая мыслится вечной и неразрушимой при всех изменениях и разрушениях структуры больших, целых вещей.

-Значит вам знаком и атомизм[22]?

-Ознакомился, но не успел изучить. Как я слышал в атомизме Пиквелл и его ученик Тиркомед[23] развили и улучшили тему «гомеомерии».

-Правильно. Согласно их учению, существуют только атомы и пустота. Атомы являются первоначалом всех чувственных вещей, свойства которых определяются формой составляющих их атомов. Форма атомов бесконечно разнообразна, колдун Ноталп считал, что атомы имеют форму идеальных правильных многогранников. Тиркомед предложил продуманный вариант механистического объяснения мира: целое у него представляет собой сумму частей, а

беспорядочное движение атомов, их случайные столкновения оказываются причиной всего сущего.

-Именно в этих беспорядочных движениях и столкновениях рождаются волшебные энергии и впоследствии волшебные явления! Да, точно! А как известно у волшебства есть воля, это факт, и следствием этой воли является все сущее, а «Магус» - причина всего сущего в разуме, волшебном разуме, и без разума нет ничего.

-А душа?

-Часть разума. В том то и дело. Волшебство единый разум мироздания – Всетворец, а душа – это эхо человеческого разума не успевшее в волшебстве раствориться.

-Хм… – Шу-Керат исказил лицо в недовольстве – Некогда я верил. Но сейчас Всетворец чужда мне. Приобретая знания, познавая мир и изучая труды мыслителей и мудрецов, я пришел к выводу, что Всетворец придуман человеком.

-Суть Всетворца изначальна и вечна. Придуман мог быть лишь его образ, а если придуман, то это хорошо. Значит он был нужен и действительно существует.

-Возможно был нужен, но уже нет. Посмотри на мир. Кто им правит? Кто покоряет? Кто властвует? Человек, эльф, гном или еще кто? Тролли? Кар-ка-ка! Разумные – венец творения. Особенно мы, волшебники, превосходящие неодаренных во всем, почти всемогущие, мы свехсущества. И однажды мы достигнем небес и объявим миру, что на небесах никого нет. Так мы убьем Всетворца.

- Я бывал там, за облаками, среди звезд и бескрайней темноты. Вольным духом я плавал в космическом эфире.

Шу-Керат привстал в кресле.

-Либриспир, вы не шутите? Вы действительно были там.

-Был

-И каково это? – голос алхимика преисполнился интереса.

-Сложно передать. Вы не первый кто спрашивает и я отвечу вам так же, как остальным: воссоздать чары вольного духа для вас не составит труда. Воспользуйтесь ими и посмотрите сами.

-Такой ответ наводит на мысли, что вы все же не возвышались над облаками.

-Воспользуйтесь заклинанием и убедитесь, что солнце есть звезда, что светит белым.

Шу-Керат прищурил глаза, его губы искривились в подобии улыбки, он кивнул и откинулся в кресле, взял уже наполненную рюмку, выпил, наполнил еще раз, поднял.

-Всетворец был там?

-К сожалению, нет.

-Отчего ж к сожалению? – ликовал алхимик, он снова выпил – Подумать только! Небеса уже достигнуты и Всетворец уже мертв. Мы убили его, вы убили его Либриспир. Это отличный тост.

Графин пролетел от одного края стола к другом, Атив и Либриспир выпили, но Остахан выразил другую точку срения:

-Возможно, по-вашему, Всетворец умер, но он все еще жив в сердцах людей и продолжит в них жить. Он умер лишь на небесах, но что же ждет нас там, за пределами бескрайней тьмы, за пределами всех миров и времен. То, что Всетворца нет на небе означает, что он больше чем мы себе представляли. Гораздо-гораздо больше.

-Значит однажды мы найдем ответ. Мы волшебники, рано или поздно обретем бессмертие и преисполненные познанием всех миров превзойдем в своем могуществе Всетворца.

-Наивно полагать, что к могуществу Всетворца возможно приблизится. А бессмертие оборвется с концом времен.

-Узко мыслишь Либриспир. Обретший бессмертие встретит в конце времен Всетворца, будет встречен как равный и вместе они начнут новое время и новый мир.

-Хм… Такая мысль мне по душе. Да, ради с беседы с Всетворцом стоило бы обрести бессмертие. Лишь бы оно не обратилось бесконечным мучение.

-Кар-ка-ка! – Шу-Керат снова наполнил рюмки, и провозгласил тост – Что может быть важней бессмертия? Кар-ка-ка!

Хозяин башни был уже пьян. Остахан зевнул.

-Полночь уже миновала? Благодарю за угощения. Атив, если позволите, я бы хотел отправится уже спать.

-Ой действительно! Я отвык следить за временем, постоянно в исследованиях и экспериментах. Кубик!

-Иду хозяин – донеслось с нижнего этажа.

-Он проводит вас в гостевую комнату. Ох, хорошо посидели! И выпили… для меня пожалуй многовато. Кар-ка-ка!

Гость встал взял свой плащ, накинул сумку на плече. Кресла повернулись к камину, а стол вернулся в центр зала. Кубик вошел, получил команду, и позвал Остахан за собой. Гость прежде чем следовать за слугой, вынул из сумки книгу. Она вздувалась от множества вложенных листков, обложка была потерта и слегка надорвана на корешке - признаки частого использования. Либриспир передал ее Ативу.

-Здесь мои черновые теоретические записи. Почитайте если интересно.

-Вы так просто передаете мне свои исследования.

-Да. Они не являются секретом, при желании их можно получить в Айдэме. Конечно большинство волшебников скрытны и делятся знаниями только ради больших знаний и большего могущества. Но я не волшебник. Я не признаю такого образа мысли и призываю всех делиться, обмениваться знаниями и ничего не утаивать, дабы облегчить процесс познания. По итогу все от этого выиграют.

-Кар-ка-ка! Как наивно! А если я воспользуюсь вашими же трюками, чтобы вам навредить?

-Все видят друг в друге соперников, потому то никто и не делится, но я против такого образа мысли. Тем более те мои трюки, которые действительно опасно показывать, я сохраняю в гримуаре и уж его давать вам почитать, простите, не рискну.

-Кар-ка-ка! Очень противоречиво сейчас выразились. А знаете почему? Потому что вы тоже волшебник! Кар-ка-ка! Доброй вам ночи Либриспир…

***

Утром Остахан застал Атива в той же гостиной. Алхимик заканчивал чтение оставленного ему дневника.

-Ах, доброе утро друг мой – Шу-Керат не отрывался от чтения – Вам нужно лекарство от похмелья?

-Нет, я выпил не так много. Вы не спали?

-Да, я принял Мулискортирэйский порошок[24].

Остахан смутился.

-Вам же известно, что он истощает жизненные силы и вызывает зависимость. А еще плохо сочетается с философским эликсиром, провоцирует воспаление ума.

-Кто вам такое сказал? – на этот раз он поднял взгляд – Не верьте всяким глупостям. Если желаете завтракать окликните Кубика. И вообще чувствуйте себя как дома, только не отвлекайте меня – он продолжил читать – Я сам найду вас, когда закончу.

Гость действительно намеревался позавтракать, а позже осмотреть башню, он покинул гостиную. Кубик отвел Остахана к Фуне, которая, на вопрос «Что на завтрак?», ответила:

-Все что хотите. Вообще все. Хозяин наполнил кладовую всеми известными миру продуктами – девочка говорила «всеми известными миру», но по сути это были «все известные Атив-Силибатуму» – хозяин создает все, что захочет.

Остахан, как это обычно случается при почти неограниченном выборе, растерялся и попросил приготовить что-нибудь простенькое на усмотрение девушки. А пока завтрак готовился, Кубик показывал ему башню начиная с самого низа. Первый этаж занимали комнаты слуг, кухня и складские помещения, на втором этаже была гостиная и библиотека. Третий и четвертый этажи были отведены для, как ее назвал Кубик, «Рабларатории», посетить ее без Атива было невозможно, вход был зачарован.

На пятом этаже располагалась спальня хозяина башни, в ней гость застал причудливое существо по имени Кэт. Толи женщина-кошка, толи кошка-женщина, с невероятно миловидным личиком, усиками, как у Фуни, хвостом и аккуратными кошачьими ушками. Она обладала животной грацией и стройностью, ее плечики, спинка и бедра были покрыты коротенькой бархатной шерсткой, а наряд был вызывающе откровенным. Женщина лежала на кровати, увидев гостя, она приподнялась, томно произнесла «Мяу», надменно-безразличным взглядом осмотрела пришельца, затем зевнула, потянулась и свернувшись калачиком продолжила спать.

Шестой этаж был сердцем башни, он содержал в себе волшебные инструменты, среди которых были описаны волшебные круги и основания рукописных зачарований. Здесь совершались

волшебные действа, защищающие башню и управляющие природой вокруг нее.

Выше крыша-смотровая. На крыше была обустроена небольшая беседка с маленьким садом, словно последний седьмой этаж, место отдыха наедине с самим собой.

Мельком осмотрев окрестности с высоты, Остахан спустился на первый этаж и прямо на кухне принялся завтракать. В то же время явился Шу-Керат и составил компанию. Быстро позавтракав он вернул гостю дневник и повел его в лабораторию. Кубик их сопровождал.

Они посетили только первый этаж лаборатории, он же третий в башне. В нем находилось хранилище веществ, а также аквариумы и террариумы действительно наполненные множеством существ: плавающих, ползающих и летающих; выделяющих яды, фермионы и кислоты; уникальных и редких или вовсе вымерших. Из лаборатории был особый выход ведущий к пристройке, то была теплицей. В теплице располагался сад полный диковинных и простых растений: редких и не очень; хищных и опасных или безвредных; разумных и обладающих волшебными свойствами.

Выйдя из теплицы они оказались на небольшом дворике, огражденном забором. На заборе были вырезаны укрепляющие руны. За забором находилось нечто вроде загона, а то, что находилось внутри загона, проще всего будет описать таким словом, как логово или в крайнем случае гнездовье. В нем копошились мелкий и подростковый выводки существ, которых химеролог назвал чупакабрами. Рядом стоял еще один загон, поменьше. На нем, прямо посредине, была вырыта яма, из которой время от времени выглядывали свинорылые создания - кобольды.

Шу-Керат приказал Кубику выловить одну из чупакабр, слуга взял лассо на шесте, хозяин башни вынул из-за пазухи фартука колокольчик, прозвенел, и чупакабры послушно выстроились вдоль забора. Кубик поймал одного подростка лассом за шею и перетащил через забор. Существо и сейчас не издавало звуков. Оно сопротивлялось, пыталось вырваться, но химеролог снова прозвенел в колокольчик и чупакабра замерла словно статуя. Шу-Керат без опаски положил руку ей на голову.

-Чупакаброй назвал в честь мифического монстра реально не существующего в природе. Мне понравилось звучание. Это млекопитающее, химера кошки и оленя. Видишь костяные нарасти? Видоизменённые, укрепленные и смещенные к суставам рога. Четыре глаза, два смотрят прямо, как у хищников, два по сторонам, как у травоядных. Так я надеялся сделать их более внимательными. Далее самое интересно – Атив пальцами раскрыл существу пасть, показал зубы, которые были затуплены, без клыков – мне удалось сделать их травоядными. Здорово правда. Не нужно беспокоится о питании, они сами его добывают.

-Хочешь сказать они безопасны? – спросил Остахан и сам подумал: «Это может быть причиной того, что оберег от хищников и чудовищ не сработал».

-Кар-ка-ка! А вот и нет – он закрыл пасть существа – От кошек им достался игривый нрав. Они реагируют на все что шевелится и мнут, царапают, в общем мучают тех, кого поймали, прежде чем отнести в логово. И иногда, если удается сделать рванную рану они пьют кровь. Да, инстинкт хищника не удалось исключить полностью.

-Зачем вам такие мудреные защитники?

-О да, незачем. Но как я говорил вчера, их основная задача добывать органическое сырье. Идем.

Посредине, между двориком и загонами, стоял сарайчик, что служил перекрестным проходом. Они подошли к нему. Шу-Керат дал команду Кубику и тот потянул за рычаги у сарайчика. Первый рычаг издал звук, который прогнал из сарайчик кобольдов и одну мелкую чупакабру, которая почему-то не явилась на колокольный звон. Увидев это Атив накричал на Кубика:

-Почему одна без клейма? Исправь живо!

С помощью телекинеза он притянул брыкающееся мелкое существо и бросил его слуге в руки.

-Как прикажете – Кубик побежал исполнять поручение.

-Почему они такие тихие… молчаливые? – поинтересовался гость.

-Тихие, чтоб хорошо охотились. А молчаливыми я их сделал потому что первые образцы издавали чрезвычайно противное мычания. Невозможно спокойно работать под такие мерзкие звуки.

Химеролог потянул за следующий рычаг сам, опять же используя телекинез. Дверцы со стороны загонов опустились, а дверца со стороны двора поднялась. Шу-Керат сделал шаг внутрь, но тут же остановился и остановил гостя. «Куби…» - собирался позвать он слугу, но тот уже убежал. Алхимик ругнулся и сказал:

-Заходить не будем, там полно разных нечистот. Просто присмотрись.

Остахан так и сделал. Сарайчик был по сути складом. Посредине была перегородка, с одной ее стороны валялась грязная куча разнообразных камней, минералов, подземных существ и грибов; с другой стороны – тушки мелких зверьков, рептилий и птиц, а среди всего этого еще и туша огромного волка со свернутой шеей. Будь Остахан менее стоек к виду различных мерзостей, его бы стошнило.

-Ох! – выдохнул он – они собирают для тебя существ, чтобы экспериментировать с плотью.

-О да, очень полезные существа. Иногда даже приносят еще живые образцы.

Остахан несколько ужаснулся промелькнувшей мысли, но спросить не побоялся.

-И людей?

Химеролог потянул рычаг, дверца закрылась.

-Конечно. Люди великолепнейший материал.

Они отошли в сторону, к загону. Стали наблюдать за чупакабрами.

-И вас не мучает совесть? Губить людские жизни таким образом, с такой целью, это же бесчеловечно.

-Просвещение того стоит. Тем более это всего лишь бездарные, все равно, что скот. Их жизни ничто.

-Я тоже бездарный. И меня для эксперимента используете.

-Бросьте. Вы один из нас, волшебник. Вчера я еще сомневался, но прочитав ваши исследования убедился в этом. Эх, не повезло! Хороший был бы образец– пошутил Атив-Силибатум – Кар-ка-

ка!

Остахану было не смешно.

-Спасибо, что считаете меня волшебником. Жаль это не так. И если все же попытаетесь меня использовать, поверьте, я так просто не дамся. А если у вас получится, то будьте уверены за меня отомстят.

-Кар-ка-ка! Нет. Не волнуйтесь, я же пошутил. Препарировать собрата волшебника я не смею. И в действительности жалко, лишь то, что вы себя волшебником не считаете и сами в себя не верите.

-Есть основания. Сравним хотя бы то, как вы совершаете волшебство и как совершаю его я.

-Почему бы и нет. Я кажется знаю к чему вы ведете.

-Вам достаточно бросить фразу, даже не заклинание целиком, а просто созвучную с ним фразу или жест, а в некоторых случаях достаточно просто подумать, тут важнее намерение, а не действие. Вы проявляете намерение и волшебство случается. Сила волшебника в его чутье. Вы можете не знать формы, но в нужный миг догадаетесь, чутье подскажет какой знак указать, волшебная сила знак поймет и сама все сделает, нужно лишь вообразить, знать, что такое возможно и уповать на силу воли. А все прочее не важно. Возьмем к примеру простое заклинание «энг Оваль-рал», существует множество способов его воссоздать, и волшебники по всему миру делали это независимо друг от друга. Центральным символом этих чар у северян является солнце, у гномов руна огня, у южан символ костра, а у эльфов фигура звезды. Разные слова с разными смыслами могу произноситься на разных языках, но воссоздастся нужное заклинание. Чары могут записываться разными рунами, символические значения у разных народов и у разных волшебников различаются и волшебные круги пишутся по-разному и ритуалы совершаются не одинаково, но приводят к одному и тому же результату…

-И алхимических формул может быть бесчисленное множество.

-Это правда. Большинство волшебников совершает свое искусство по-иному, по-своему. И стили передаются от учителя к ученику через поколения, дополняются и преображаются. Единственное, что вносит некоторую упорядоченность - это волшебное искусство эльфов Экзальтов[25] позже перенятое и улучшенное иммаграми. Его то и проповедует Ван Клеарх. Но это лишь еще один из стилей. Весь это хаос значений и понятий в сотворении волшебства не является помехой для одаренного. Перед вами стоит только два вопроса: «Возможно ли? И как сделать возможным?», и ответив на них вы воссоздаете новое заклинание. Вам подсказывает чутье. Мне этого не дано. Все, что мне остается это повторять за вами, копировать заклинания слегка изменяя их так, чтобы они становились более «желанными» для волшебной силы. Я во всем полагаюсь на фигуры, символы и руны.

-А в результате, что вы делаете? Чего добиваетесь? Какими становятся ваши чары? Вы вынуждены искать волшебные предпочтения. Выбирать из множества вариантов наиболее удобные. Вы все упрощаете или я бы сказал развиваете, доводите до совершенства. Так делают все волшебники, но только в своем стиле. А вы создаете общий стиль - единый. Продвинутое искусство Экзальтов.

-Продвинутое искусство Экзальтов – это и есть волшебство иммагров, которое проповедует Ван Клеарх. Именно он его развивает и доводит до совершенства.

-Кар-ка-ка! Старый эльф только собирает знания, помогает ими обмениваться, но сам не

участвует в процессах познания. Его разум закостенел, потому он собирает вокруг себя послушников, ему нужна молодежь, чтобы развиваться самому, он питается их творческой силой. Либриспир, признайте, вы создаете ново-продвинутое искусство Экзальтов. На досуге придумайте для него название… Перечитывая ваши умозаключения, меня поразили не теории созидания мира, происхождения волшебных сил и ваш так называемый «Магус» - это все бред. А вот концепции сопряженных символов, сокращение заклинательных звучаний или ваши попытки подобрать наиболее простой и действенный рунический алфавит - это все великолепно. Особенно меня заинтересовала возможность преобразовывать волшебные круги в сферы. Как получалось?

-С переменным успехом. Сферы подразумевают трех-мерность, а некоторые символы сложно воссоздать в таком виде. А еще сложнее стоит вопрос о целесообразности их расположений.

-Как я предполагаю ваше волшебство требует минимального участия силы воли.

-Правда. Этим я горжусь. Мои первые чары вольного духа обладали таким свойством, думаю именно благодаря этому Ван Клеарх принял меня в послушники.

-Еще одно подтверждение того, что вы волшебник. В действительности работать над упрощением одаренным не очень то нужно. Мы взмахом руки исполняем почти все желаемое, все кажется довольно простым когда отвечено на вопрос «Возможно ли?». А так как на него всегда отвечает наставник, то к этим условностям его ответов быстро привыкаешь. И после этого, вопрос «Как сделать возможным?» почти всех ввергает в ступоре. Мой учитель, если я интересовался тем, что непонятно ему самому, говорил «Все же очевидно дурень, подумай сам», а после бил посохом по голове. Я ему верил и считал себя дурнем, но сейчас понимаю, что дурнем был он сам. И все же я ему благодарен за очень многое, особенно за напутствие думать самостоятельно. По итогу я пришел к выводу, что второй вопрос главенствует над первым. И что самое интересное вы, бездарный, постоянно ищите ответы на него, ведь это вам жизненно необходимо.

-Я бы сказал, что мне важнее вопросы «Почему происходит?» и «Как происходит?». Видите ли, чем хуже мне понятна суть явления, тем сложнее совершить и тем более сложнее улучшить воссоздающее его заклинание. И это зачастую приводит к неудачам а последствия неудач в волшебстве бывают очень тяжелы, как для одаренных, так и для бездарных. В особенности для бездарных. Правда, мне до некоторых пор очень везло.

-Видимо, именно такая неудача является причиной вашего путешествия и конечно же причиной появления здесь.

Остахан развернул одну из рунических лент, показывая Шу-Керату шрам вокруг запястью.

-Волшебник по прозвищу Снеумер описал заклинание «Эной-эсаль» как стирающее материю. Но в его волшебном круге, да собственно и в форме присутствуют символы, которых там быть не должно. Оно не стирает, а убирает, уносит прочь переставляет из одного места в другое. Я экспериментировал, пытался разобраться и вот результат.

-Дайте посмотрю – Атив взялся за Остаханову кисть, внимательно осмотрел, покрутил, ощупал.

-Ван Клеарх сказал, что я засиделся в Айдеме – говорил Остахан – Он посоветовал мне погулять среди простых людей. Что я и сделал. А в ваш край я забрел случайно.

-Великолепная работа! – Шу-Керат не слушал его – плоть отросла идеально, кто вас исцелял?

-От смерти спас другой послушник. А новые руки отрастила Люксситула[26].

-Вы с ней знакомы? – алхимик сильно сдавил пальцы гостя, и Остахан отдернул руку, высвободившись из грубой хватки.

-Да

-А я к сожалению нет! А очень хотел бы, она легендарный мастер целитель. Вы нас познакомите?

-Эм… возможно. У меня с ней сложные отношения.

-Познакомьте, буду очень благодарен.

-Я подумаю над этим…

-Подумайте. Что до вашей неудачи… Повезло, что вы остались живы. А раз провал вас не убил, то непременно сделал сильнее.

-Возможно, но увы, мне кажется это не так. Иначе Ван Клеарх не выпроводил бы меня. Раненый калека выживает, но едва ли становится сильнее. Что уж говорить об израненной душе? Потерпевший поражение вынужден мирится со своей ничтожность, а его душа утопает в омуте отчаяния и терзает себя мыслями о ненужности бытия. Что несомненно не придает сил, а лишь отнимает их, делая личность покорнее и безразличнее. Лишившись рук, я всерьез задумывался о том, чтобы забросить волшебные искусства.

-Но ведь не забросили. А раз не сделали этого сейчас, но не сделаете и впредь. Да, неудача разбила и опустошила вас, но она же подталкивает ваши стремления и вынуждает совершенствоваться.

-Я не чувствую того, чтобы неудача подталкивала. Скорее уж… Это … Она меня возродила и вдохновила. Ее искусство по правде было великолепно. Она боролась за меня и победила. Я был восхищен, пожалуй, именно это и удержало меня от прихоти бросить волшебство. А еще мои друзья волшебники поддержали. Вот те, кто действительно доводит волшебные искусства до совершенства, по-настоящему талантливые одаренные. Дружба с каждый из них это мой маленький успех и уж успехи и победы действительно придают сил. Не сумей я в юности улучшить чары, я бы не стал увлекаться волшебством более. Но я сумел и это была победа. Не разузнай я об Айдеме, не путешествовал бы так много. Но я узнал и даже сумел его достигнуть - пример того, как одна победа кует другую. И совершив ряд побед становишься действительно сильным, что позволяет заполучать новые победы. А знаешь, что самое прекрасное в победах? Они перечеркивают все предыдущие неудачи.

-Вижу вы не из тех людей, кого неудачи вдохновляют.

-Это правда

-К несчастью. Вам же от этого хуже… Скажите, вы думали это башня Снеумера?

-Предполагал. Это на самом деле так?

-Нет… намного лучше! Здесь некогда жил его учитель, великолепный волшебник Арч Релиу Теле, без прозвища, насколько я знаю, он никогда не встречался с Ваном Клеархом.

-С моей стороны будет наивно предположить, но я все же спрошу: осталось ли в башне какое-нибудь наследие ее предыдущего владельца?

-Вам повезло…

Шу-Керат призвал Остахана следовать за собой. Они вернулись в лабораторию тем же путем, что и вышли, поднялись на следующий этаж, но прежде чем войти во вторую часть лаборатории химеролог остановился и произнес:

-Все же, прежде чем показывать вам труды Теле, я хочу, чтобы вы пообещали мне… нет лучше поклянитесь, что познакомите меня с Люксситулой .

-Хотите скрепить клятву волшебной силой?

-Это излишнее, я вам доверяю. Тем более клятва волшебников имеет силу всегда.

-Клянусь представить вас Люксситулой, если вы поделитесь со мной всеми известными вам секретами Арча Релиу Теле.

-Чудно – ответил алхимик и открыл дверь.

На стенах просторного зала были высечены руны и символы сдерживающие и отталкивающие различные виды волшебных энергий.

Одна треть лаборатории была отведена под алхимические инструменты, в ней стояли перегонный кубы, котлы, мензурки и колбы, несколько шкафов хранящих в себе вещества: порошки железа и камней, минералы, жидкие субстанции, засушенные и свежие частицы растений, засушенные и хранящиеся в банках с формалином частицы животных, среди прочего были еще и непрозрачные крепко закупоренные банки наверняка хранившие в себе газы.

Вторая треть была предназначена для начертания волшебных кругов, ее пол был выложен из особого идеально ровного камня, в котором почти не было заметно прорех. В том пространстве стояло множество шкафов, на полках которых расположились книги и свитки, а так же свечи, начертательные материалы и краски, формочки для упрощения начертания символов.

На последней трети расположился стол также покрытый рунами, кругами и символами. Рядом с ним стояли пустые банки и баллоны с формалином. На стене, позади стола висели наборы различных инструментов: от пил до бритвенных лезвий, от садовых ножниц до пинцетов, от молотков до игл - орудия врачей и мясников.

Шу-Керат ушел в зону для чародейства, быстро определил нужный ему шкаф и достал с него футляр для свитков. На футляре были вырезаны руны сохранения.

-Бумага старая, будьте осторожны – алхимик передал футляр гостю – и верните все после прочтения.

-Спасибо Атив

-Ну что ты. Мы теперь все равно что друзья. Можешь обращаться ко мне просто Филипп.

-Филипп, зови меня Хан.

-Отлично Хан, советую расположиться в гостиной, там читать комфортнее всего.

-Я бы предпочел беседку на крыше.

-Лучше гостиная, солнечные лучи вредят старым свиткам.

-Правда, гостиная лучше. А ты?

-Я займусь экспериментами. Концепт «души проводника волшебных сил» мне показался интересным.

-Могу помочь. Что-нибудь подсказать?

-Не стоит. Я люблю работать один, тем более как я заметил, тебе не по душе мои методы. Хм… по душе… Займись изучением трудов Теле, чем быстрее закончишь, тем быстрее продолжишь свое паломничество.

Остахан смутился.

-Филип, я тебя чем-то обидел?

-Ни в коем случае. Не принимай на свой счет Хан. Я люблю покой, а гости это беспокойство. Не терплю гостей, которые задерживаются более чем на три дня, даже таких интересных.

В дверь постучал Кубик, попросил разрешения войти, алхимик разрешил. Кубик тащил за собой побитого, истощенного и замученного мужика. Тот был еще жив. Остахан нахмурился, тревожно посмотрел на химеролога, вздохнул, отвернулся.

-Он выживет?

-Если эксперимент будет удачным, то скорее всего да.

Остахан сжал кулаки.

-Атив-Силибатум, не мучь его, будь милосерден – после этих слов он покинул лабораторию.

***

Остахан потратил на прочтение трудов Арча Теле почти весь день, почерпнув для себя несколько действительно интересных фактов, в том числе корни происхождения заклинания «Эной-эсаль». Завершив чтение он поужинал. Шу-Керат ни разу не покидал своей лаборатории. Гость попытался встретиться с хозяином башни, чтобы вернуть свитки Теле лично, из рук в руки, но тщетно. Входы в Лабораторию были заперты, а на стук никто не отвечал. Остахану ничего не оставалось, кроме как дожидаться следующего дня и он лег спать. Но и утром он не сумел встретиться с Шу-Кератом, тот так и не выходил из лаборатории. Тогда гость позавтракал и собрался в дорогу. Но уйти не попрощавшись он не мог, а потому стал дожидаться хозяина башни в гостиной, коротая время за чтением.

Филипп Шу-Керат ворвался в гостиную в послеобеденное время. Он бледный и изможденный рухнул в кресло.

-Ох! Как же я устал! – повернул голову, лежащую на спинке кресла, в сторону Остахана, вперил в него пустой взгляд, а потом вдруг удивленно-вяло воскликнул – О! Хан, ты еще здесь. Здорово. Душа… эм, нет не могу, не сейчас. Я так устал – он отвернулся, замолк ненадолго, а потом вдруг сказал – солнце и правда светит белым… Ох! – он потер лицо руками, зевнул – Эх и почему мы одаренные такая редкость? Найти бы мне одного, только не обученного, чтоб не

волшебник, чтоб… – он снова зевнул обрывая фразу, после чего приложил руку ко лбу и закрыл глаза.

Остахан усмехнулся, мысли о том, что этот химеролог экспериментировал над живым человеком, и скорее всего мучал его, как-то выветрились из головы. А ведь минуло уже полтора дня. Да и о плохом думать особо не хочется.

-Вымотались Филипп. В такие мгновения всегда задумываешься о помощнике.

-А! Что? – Шу-Керат как будто бы уснул на мгновенье – Помощники? Да я как-то сам справляюсь. А ведь да. С учеником легче, он бы мне… – хозяин башни снова прикрыл глаза.

-Филипп!

-А? – ответил он не открывая глаз.

-Пока ты не уснул, посмотри – алхимик открыл один глаз, Остахан указал на футляр на столе – свитки Теле возвращаю, они все целы. Проверь если хочешь.

-Я верю – махнул он рукой и прикрыл глаз.

-А я с тобой прощаюсь – сказал поднявшись из кресла гость – Пускай я не разделяю всех твоих взглядов – он положил руку Ативу на плечо – а ты со мной о многом споришь, я все равно был рад нашему знакомству и думаю однажды оно расширит горизонт нашего общего знания. Все ради волшебных искусств.

-Взаимно Хан – Шу-Керат открыл глаза, глянул на гостя и кивнул.

Остахан сделал два шага к выходу, но вдруг обернулся, вспомнив о важном обещании.

-Касательно знакомства с Люксситулой, отправляйся в Айдем весной. Она посещает его в то время. За одно пройдись по миру, посмотри на людей. Затворничество возможно иногда бывает полезно, но оно лишает множества возможностей. Например, ты сможешь найти ученика и помощника. Я думаю одаренных в мире больше, чем мы привыкли считать и встречаются они в самых неожиданных местах. Возможно они у тебя прямо под носом, а собственно так и есть. Недавно я встретил одаренную девушку, она живет в замке неподалеку от твоей башни.

-А? – Шу-Керат хотел задать вопрос, но Остахан его предупредил, дав ответ.

-Правда тут тебе не повезло, учителя для нее уже нашелся. Ну а ты отправляйся в странствие, пройдись по миру, посмотри на людей и может быть тебе повезет.

-Я обдумаю твой совет Хан, и Айдем обязательно посещу.

-Тогда до встречи.

-Да, до скорой встречи новый друг…

Примечания:

1. Гима́тий (гиматион) (др.-греч. ἱμάτιον — ткань, накидка) — верхняя одежда у древних греков.

2. Магид – язык иммагриума.

3. Антив-Силибатум (лат. vita mutabilis – преображающий жизни)

4. Айдэм-Тэлум-Синтэйонис (лат. aedem, templum, scientiae, cognitionis) – здание, храм, наука, знания.

5. Иллюстратио (лат. illustratio) – ритуал просветление, раскрывает дар одаренного и обличает бездарного.

6. Чупака́бра (исп. chupacabras от chupar) — неизвестное науке существо, персонаж городской легенды. Согласно легенде, чупакабра убивает животных и высасывает у них кровь.

7. Кобольд (нем. Kobold, Cobold) — духи-хранители подземных богатств) – населяют шахты. Считалось, что подземные кобольды приносят несчастье, могут вызвать порчу руды и появление в ней примесей.

8. Уфурэ – (яп. □□□ / Erufu) – «светленочки» волшебные духи святого древа творения.

9. Рога-Фип (Пифагор) - древнегреческий философ. У Пифагора архэ — число как нечто совершенно нематериальное, но задающее порядок в природе, постигаемый в математике и — как сказали бы современные учёные — в физике. (По данным википедии)

10. Метемпсихоз – был одной из главных доктрин учения Пифагора— вера в то, что душа бессмертна и после смерти переносится в новое тело. (По данным википедии)

11. Метаморфоза (от др.-греч. μεταμόρφωσις — «превращение») — глубокое преобразование строения организма (или отдельных его органов), происходящее в ходе индивидуального развития.

12. Ло́гос (от др.-греч. λόγος «мысль», «голос», «слово», «смысл», «понятие», «причина», «число», иуд.-арам. □□□□ [ме́мра]) — понятие древнегреческой философии, означающее одновременно «слово» (высказывание, речь) и «понятие» (суждение, смысл). (По данным википедии)

13. Тилкарег (Гераклит) – древнегреческий философ, впервые использовавший его в философском смысле. (По данным википедии)

14. Архэ́ и стойхейон (др.-греч. ἀρχή, дор. ἀρχά — «начало, основание, происхождение; первопричина, принцип») в досократовской древнегреческой философии — первооснова, первовещество, первоэлемент, из которого состоит мир. (По данным википедии)

15. Талэз из Милэдиоза (Фалес Милетский Др. гр. Θαλῆς ὁ Μιλήσιος) – первый философ. Основатель первой древнегреческой научно-философской милетской школы, с открытий которой начинается история европейской науки — космогонии и космологии, физики, географии, метеорологии, астрономии, биологии и математики. (По данным википедии)

16. Космого́ния (греч. κοσμογονία; от κόσμος «мир», «Вселенная» + γονή «рождение») — наука, изучающая происхождение и развитие космических тел и их систем. (По данным википедии)

17. Выписка из книги Ф. Ницше. «Философия в трагическую эпоху греков»

18. Нус (др.-греч. νοῦς — мысль, разум, ум), или Ум, одна из основных категорий античной философии; обобщение всех смысловых, ра́зумных и мыслительных закономерностей, царящих в космосе и в человеке.

19. Рогас-Кана (Анаксагор) – философ, ввел понятие «Нус»

20. Льетот-Сира (Аристотель)

21. Гомеомерия (др.-греч. homoiomḗreia от ὅμοιος, «подобный, схожий, равный» + μερίς, «часть, доля») — термин, введённый Аристотелем для обозначения понятия элементарного начала, мельчайшего элемента всякого качества (семени) в философии Анаксагора.

22. Атомизм – был создан представителями досократического периода развития древнегреческой философии Левкиппом и его учеником Демокритом Абдерским. Согласно их учению, существуют только атомы и пустота. Атомы — мельчайшие неделимые, невозникающие и неисчезающие, качественно однородные, непроницаемые сущности, обладающие определённой формой.

23. Пиквелл (Левкипп) и Тиркомед (Демокрит) – древнегреческие философы.

23. Мулискортирэйский порошок – Эритроксилум (лат. Erythroxylum = Erythroxylon) — род тропических цветущих растений. Из этого растения делают кокаин.

25. Эльфы Экзальты (лат. exaltatus - возвышенный) – высшие эльфы.

26. Люксситула (лат. Lux salutis – свет здоровья) – легендарная волшебница целительница.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

http://tl.rulate.ru/book/77551/2328072